

411	282-1	НИКОЛАЙ АГНИВЦЕВ	"Фарфоровая любовь"	Часть 1 "Рассеянный король"
412	282-2	НИКОЛАЙ АГНИВЦЕВ	"Фарфоровая любовь"	Часть 2 "Глупые шутки"
413	282-3	НИКОЛАЙ АГНИВЦЕВ	"Фарфоровая любовь"	Часть 3 "Почему? – Потому!"

Содержание:

Часть 3 "Почему? – Потому!"

1. Персия –
2. Почему? – Потому! –
3. Три набоба –
4. Любовная болезнь –
5. Гранитный барин –
6. На «Стрелке» –
7. Дама из Эрмитажа –
8. Смерть поэта –
9. Странный город –
10. Санкт-Петербургские триолеты –
11. Май –
12. Депутат –
13. Городовой –
14. Когда голодает гранит –
15. Дама в карете –
16. Гранитный призрак –
17. Вы помните? –
18. Коробка спичек –
19. Три новогодних тоста –
20. Мы –

1. Персия

Хорошо жить на Востоке,
 Называться бен Гассан
 И сидеть на солнцепёке,
 Щуря глаз на Тегеран!

К чёрту всякие вопросы.
 Тишь да гладь и благодать.
 Право, с собственного носа
 Даже муху лень согнать.

Просто даже непонятно,
 Персия то иль персидский рай.
 Ай, как хорошо, ай, как приятно!
 Ай-ай-ай! Ай-ай-ай!

Хорошо сидеть на крыше
 Персом с ног до головы
 И толстеть там от кишмиша,
 Абрикосов и халвы.

Если станет очень грустно,
 Скушай персик от тоски.
 Ай, как вкусно! Ай, как вкусно!

Ай, как вкусны персики!

Просто даже непонятно,
Персия то иль персидский рай.
Ай, как хорошо, ай, как приятно!
Ай-ай-ай! Ай-ай-ай!

Чтоб любви не прекословить,
Стоит только с крыши слезть.
Кроме персиков, ещё ведь
Персианки тоже есть.

Ай, Лелива! Глаз, как слива,
Шаль, как пестрый попугай.
Ай, Лелива! Ай, Лелива!
Как целуется, ай-ай!

Просто даже непонятно,
Персия то иль персидский рай.
Ай, как хорошо, ай, как приятно!
Ай-ай-ай! Ай-ай-ай!

2. Почему? — Потому!

Много есть персиянок на свете,
Но, собою их всех заслоня,
Как гора Арарат на рассвете,
Лучше всех их Зулейка моя.

— Почему? — Потому!

Много персов есть всяких на свете,
Но, собою их всех заслоня,
Как гора Арарат на рассвете,
Больше всех ей понравился я.

— Почему? — Потому!

Много есть ишаков в нашем месте:
Сосчитать их не хватит ста лет,
Только всё же глупей их всех вместе
Муж Зулейки – Гасан-Бен Ахмет.

— Почему? — Потому!

3. Три набоба

Где-то давно, друг от друга особо,
Жили да были три старых набоба.
Верили твёрдо они с давних пор,
Что, мол, спина – просто пыльный ковёр.

Но как-то раз их раскаянье взяло,
И порешили они для начала

Так управлять, чтоб отныне вперёд
В масле катался их добрый народ.

С этою целью сошлись на совете
Первый, второй и задумчивый третий...
И, упираясь десницею в лоб,
Молвил задумчиво первый набоб:

- Всею душой устремляясь к народу,
Я упраздняю плохую погоду,
Зонтик огромный впихну в небосвод,
Чтоб не чихал мой любимый народ!

Было торжественно слово второго:

- Я же для блага народа родного
Распоряжусь - *comprenez-vous, chaque jour* – (*компрени-ву шэк жюар* - вы понимаете? каждый день)
Делать пейзазам (*крестьянам, селянам*) моим маникюр.

И в умилении, каждый особо,
Слушали третьего оба набоба
- Я же для блага отчизны родной
Просто возьму и уйду на покой!

4. **Любовная болезнь (*L'amour malade*)**

Как-то раз купалась где-то
В море барышня одна.
Мариетта, Мариетта
Прозывалась так она.

Ах, не снился и аскету,
И аскету этот вид.
И вот эту Мариетту
Полюбил гренландский кит.

И увлѣкшись Мариеттой,
Как восторженный дурак,
Тут же с барышнею этой
Пожелал вступить он в брак!

Но пока он ту блондинку
Звал в мечтах своей женой,
Та блондинка – прыг в кабинку...
И ушла к себе домой!

Тут, простившись с аппетитом,
И красавицей забыт,
В острой форме менингитом
Заболел гренландский кит.

Три недели непрестанно
Кит не спал, не пил, не ел...
Лишь вздыхал, пускал фонтаны

И худел, худел, худел...

И вблизи пустой кабинки,
Потерявши аппетит,
Стал в конце концов сардинкой
Si-devant гренландский кит! (*сидева* фр. бывший)

5. Гранитный барин

Париж, Нью-Йорк, Берлин и Лондон!
Какой аккорд! Но пуст их рок!
Все четырем один шаблон дан,
Один и тот же котелок!

Ревут моторы, люди, стены,
Гудки, витрины, провода...
И, обалдевши совершенно,
По крышам лупят поезда!

От санкюлотов до бомонда
В одном порыве вековом
Париж, Нью-Йорк, Берлин и Лондон
Несутся вскачь за пятаком!..

И в этой сутолке всемирной –
Один на целый мир вокруг –
Брезгливо поднял бровь амфирный
Гранитный барин Петербург.
1923

6. На "Стрелке"

Ландо, коляски, лимузины,
Гербы, бумажники, безделки,
Брильянты, жемчуга, рубины –
К закату солнца – все на "Стрелке"!

Струит фонтанно в каждой даме
Аккорд Герленовских флаконов,
И веет тонкими духами
От зеленеющих газонов!

И в непрерывном лабиринте
Гербов, камней и туалетов
Приподымаются цилиндры
И гордо щурятся лорнеты.

И Солнце, как эффект финальный,
Заходит с видом фатоватым
Для Петербурга специально -
Особо-огненным закатом.

7. Дама из Эрмитажа

Ах, я устала так, что даже

Ушла, покинув царский бал!
Сам император в Эрмитаже
Со мной сегодня танцевал!

И мне до сей поры всё мнится
Блеск императорских погон,
И комплимент императрицы,
И цесаревича поклон.

Ах, как мелькали там мундиры!
(Знай, только головы кружи!)
Кавалергарды, кирасиры,
Конногвардейцы и пажы.

Но больше, чем все кавалеры
Меня волнует до сих пор
Неведомого офицера
Мне по плечам скользнувший взор!

И я ответила ему бы,
Но тут вот, в довершение зол,
К нему, сжав дрогнувшие губы,
Мой муж сейчас же подошёл!

Pardon! Вы, кажется, спросили,
Кто муж мой?.. Как бы вам сказать...
В числе блистательных фамилий
Его, увы, нельзя назвать!..

Но он в руках моих игрушка!
О нём слышали вы иль нет?
Александр Сергеич Пушкин,
Камер-юнкер и поэт!..
1923

8. Смерть поэта

Знайте: как-то, когда-то и где-то
Одинокий поэт жил да был...
И всю жизнь свою, как все поэты,
Он писал, пил вино и любил.

Обогнавши Богатство и Славу,
Смерть пришла и сказала ему:
- Ты поэт и бессмертен!.. И право,
Как мне быть, я никак не пойму?!!

Улыбаясь, развёл он руками
И с поклоном промолвил в ответ:
- В жизни я не отказывал даме!
Вашу руку!.. И умер поэт.

9. Странный город

Санкт-Петербург – гранитный город,
Взнесённый словом над Невой,
Где небосвод давно распорот
Адмиралтейскою иглой!

Как явь, вплелись в твои туманы
Виденья двухсотлетних снов,
О, самый призрачный и странный
Из всех российских городов!

Недаром Пушкин и Растрелли,
Сверкнувши молнией в веках,
Так титанически воспели
Тебя в граните и в стихах.

И майской ночью в белом дыме,
И в завываньи зимних пург
Ты всех прекрасней, несравнимый
Блистательный Санкт-Петербург!
[1923]

10. Санкт-Петербургские триолеты

Скажите мне, что может быть
Прекрасней Невской перспективы,
Когда огней вечерних нить
Начнёт размеренно чертить
В тумане красные извивы?!
Скажите мне, что может быть
Прекрасней Невской перспективы?

Скажите мне, что может быть
Прекрасней майской белой ночи,
Когда начнёт Былое вить
Седых веков седую нить
И возратить столетья хочет?!
Скажите мне, что может быть
Прекрасней майской белой ночи?

Скажите мне, что может быть
Прекрасней дамы петербургской,
Когда она захочет свить
Любви изысканную нить
Рукой небрежною и узкой?!
Скажите мне, что может быть
Прекрасней дамы петербургской?
1923

11. Май

Май весёлый пришёл,
Звонко песню завёл,
И тотчас, вслед за этою песней,

Распустилась листва,
Появилась трава,
Стали дамы — вдвойне интересней!

В паровозных свистках
И в трамвайных звонках,
Даже в рявканье автомобилей
Слышен томный рассказ:
«Об огне чьих-то глаз,
О печали каких-то там лилий».

Там и тут, тут и там
Баррикады из дам!
Не пройти мимо них невредимым!
Взгляд... улыбка... Но — вот,
Баста! Дальше! Вперёд!
Сердце женщины вьётся налимом!..

Май, Весна, благодать!
— Как же тут не вздыхать,
Если дни так безбожно-лучисты?!.
И вздыхают «эс-дэ»,
И вздыхают «ка-дэ»,
И поют о любви октябристы!
1913

12. Депутат

Иван Иванович, депутат,
В заботах о народе —
Не спит, не ест, тоской объят...
И вносит каждый день подряд
Запросы... о погоде!

Иван Иванович, депутат,
В заботах о народе:
— «Известно ль власти, что опять
Шёл дождик в прошлый вторник?
А если нет, то, так сказать, —
Какие меры, мол, принять
Намерен старший дворник?»
— Известно ль власти, что опять —
Шёл дождик в прошлый вторник?

Тяжёл ответственный удел
Избранников народа,
Иван Иванович хоть кряхтел,—
Но добросовестно шумел,
Свистел и выл три года!
— Тяжёл ответственный удел
Избранников народа!

Иван Иванович, депутат, —

Стоит на страже права.
И, как всамделишный солдат,
Он держит пятый год подряд —
«Равнение направо...»
— Иван Иванович, депутат,
Да отдохните, право!

13. Городовой

Городовой! Как звучно это слово,
Какая мощь, какая сила в нём!
Ах, я боюсь, спокойствия бывшего
Мы без тебя в отчизне не найдём.

Где б ни был ты — ты был всегда на месте,
Всегда стоял ты грозно впереди.
В твоих очах, в твоих державных жестах
Один был знак — «Подайся! Осади!»

Бранился ль я с неугомонным «Ванькой»
Иль ночью шёл по улицам с трудом,
Не ты ли был защитником и нянькой,
Не ты ли мне указывал мой дом.

Прекрасен клич восставшего народа,
Волнуют грудь великие слова,
Но без тебя ведь и сама свобода
Запуганному сердцу не мила.

Мечтой небес, миражем дивной сказки
Опять встаёт знакомый образ твой.
И знаю я, что без твоей указки
Нам не пройти искомой чередой.

О, появишься с багрово-красным ликом,
С медалями, с крестами на груди
И обойди всю Русь с великим криком:
«Куда ты прёшь! Подайся! Осади!»

14. Когда голодает гранит

Был день и час, когда уныло
Вмешавшись в шумную толпу,
Краюшка хлеба погрозила
Александрийскому столпу.

Как хохотали переулки,
Проспекты, улицы!.. И вдруг
Пред трёхкопеечною булкой
Склонился ниц Санкт-Петербург!..

И в звоне утреннего часа
Скрежешет лязг голодных плит,
И вот от голода затрясся

Елизаветинский гранит!..

Вздохнули старые палаццо
И, потоптавшись у колонн,
Пошёл на Невский — продаваться
Весь блеск прадедовских времен.

И сразу сгорбились фасады...
И, стиснув зубы, над Невой —
Восьмиэтажные громады
Стоят с протянутой рукой!

Ах, Петербург, как страшно-просто
Подходят дни твои к концу!..
— Подайте Троицкому мосту,
— Подайте Зимнему дворцу!
1923

15. Дама в карете

В Париж! В Париж! как сладко-странно
Ты, сердце, в этот миг стучишь!
Прощайте, невские туманы,
Нева и Пётр!.. В Париж! В Париж!

Там дым всемирного угара,
Rue de La Paix (*рю де ля пэ*), Grande Opera, (*грант опера*)
Вином залитые бульвары
И карнавалы до утра!

Париж – любовная химера,
Всё пало пред тобой уже!
Париж Бальзака и Бодлера!
Париж Дюма и Беранже!

Париж кокоток и абсента,
Париж застывших луврских ниш,
Париж Коммуны и Конвента
И всех Людовиков Париж!

Париж бурлящего Монмартра,
Париж верленовских стихов,
Париж штандартов Бонапарта,
Париж семнадцати веков!

И тянет в страсти неустанной
К тебе весь мир уста свои,
Париж Гюи де Мопассана,
Париж смеющейся любви!

И я везу туда немало
Добра в фамильных сундуках:
И слитки золота с Урала,

И камни в дедовских перстнях!

Пускай Париж там подивится,
Своих франтих расшевели,
На чернобурую лисицу,
На горностаю и соболя!

Но еду всё ж с тоской в душе я,
Дороже мне поклажи всей
Вот эта ладанка на шее.
В ней горсть родной земли моей!

Ах, и в аллеях Люксембурга
И в шуме ресторанных зал
Туманный призрак Петербурга
Передо мной везде стоял!..

Пусть он невидим, пусть далёк он,
Но в грохоте парижских дней
Всегда, как в медальоне локон,
Санкт-Петербург в душе моей!
1923

16. Гранитный призрак

Как бьётся сердце! И в печали,
На миг бывшее возвратив,
Передо мной взлетают дали
Санкт-Петербургских перспектив!..

И, перерезавши кварталы,
Всплывают вдруг из темноты
Санкт-Петербургские каналы,
Санкт-Петербургские мосты!

И, опершись на колоннады,
Встают незыблемой грядой
Дворцов гранитные громады
Над потемневшею Невой.

Пусть апельсинные аллеи
Лучистым золотом горят,
Мне петербургский дождь милее,
Чем солнце тысячи Гренад!..

Пусть клонит голову всё ниже,
Но ни друзьям и ни врагам
За все Нью-Йорки и Парижи
Одной берёзки не отдам!

Что мне Париж, раз он не русский?!
Ах, для меня под дождь и град
На каждой тумбе петербургской

Цветёт шампанский виноград!

И застилая всё живое,
Туманом невским перевит,
Санкт-Петербург передо мною
Гранитным призраком стоит!..
1923

17. Вы помните?

Вы помните былые дни,
Когда вся жизнь была иною?!
Как были праздничны они
Над петербургскою Невою!

Вы помните, как ночью вдруг
Взметнулись красные зарницы
И утром вдел Санкт-Петербург
Гвоздику юности в петлицу?

Ах, кто мог знать, глядя в тот раз
На двухсотлетнего гиганта,
Что бьёт его последний час
На Петропавловских курантах!

И вот иные дни пришли!
И для изгнанников дни эти
Идут вдали от их земли
Тяжелой поступью столетий.

Вы помните иглистый шпигц,
Что Пушкин пел так небывало?
И пышность бронзовых страниц
На вековечных пьедесталах?

И ту гранитную скалу,
Где всадник взвился у обрыва;
И вдаль летящую стрелу
Звенящей Невской перспективы;

И вздох любви нежданных встреч
На площадях, в садах и скверах,
И блеск открытых женских плеч
На вернисажах и премьерях;

И чьи-то нежные уста,
И поцелуи в чьём-то взоре
У разведённого моста
На ожидающем моторе?..

Вы помните про те года
Угасшей жизни петербургской?
Вы помните, никто тогда

Вас не корил тем, что вы русский?

И белым облаком скользя,
Встаёт все то в душе тревожной,
Чего вернуть, увы, нельзя
И позабыть что невозможно!..
1923

18. Коробка спичек

(Спичечная фабрика Ираида В.А. Лапшина 1882 года)

Как вздрогнул мозг! Как сердце сжалось!
Весь день без слов! Вся ночь без сна!
Сегодня в руки мне попалась
Коробка спичек Лапшина...

Ах, сердце — раб былых привычек!
И перед ним виденьем, вдруг
Из маленькой коробки спичек
Встал весь гигантский Петербург:

Исакий! Пётр! Нева! Крестовский!
Стозвонно-плещущий Пассаж!
И плавный Каменноостровский!
И баснословный Эрмитаж!

И первой радости зарница!
И грусти первая слеза!
И чьи-то длинные ресницы...
И чьи-то серые глаза...

Поймёте ль вы, чужие страны,
Меня в безумии моём?
Ведь это юность из тумана
Мне машет белым рукавом...

Последним шёпотом привета
От Петербурга лишь одна
Осталась мне всего лишь эта
Коробка спичек Лапшина...

19. Три новогодних тоста

Куранты пробили...и вот под бранный дым и гром
Сатурн венчает Новый год железом и огнём.
Встаём мы вновь среди друзей, бокалами звеня,
И есть для Родины моей три тоста у меня.

Мой первый тост – за тех, чей взор как прежде бодр и прям,
На чьей груди нам всем в укор алеет грозный шрам,
За тех, кто там, плечо с плечом сплотившись в ряд, звенят
Но не бокалом, а мечом!.. Тост первый за солдат!

Второй мой тост – бокалов звон – за жатву наших дней,

За наше будущее он, за наших сыновей.
Чтоб, помянув на тризне нас, на мелкие куски
Они разбили в тот же час отцовские очки!

И, сбросив в прах былой кумир, казавшийся святым,
Смогли б увидеть новый мир под солнцем золотым!
Второй мой тост – бокалов звон – за жатву наших дней,
За наше будущее он. Второй тост – за детей!

Звени, звени, мой третий тост, звени же вновь и вновь
О вечно лгущей сказке звёзд! Тост третий – за любовь!
Когда-то где-то в дни свои жил некий человек,
Который не вкусил любви за весь свой долгий век.

И потому и оттого узнал весь край о нём,
И называли все его великим мудрецом.
И вот явился, наконец, сам царь проверить слух,
И оказалось, что мудрец был просто слеп и глух!..

Звени, звени, мой третий тост, звени же вновь и вновь
О вечно лгущей сказке звёзд! Тост третий – за любовь!
(31 декабря 1916 г.)

20. Мы

Некие в смокинг одетые атомы,
Праха веков маринованный прах,
Чванно картавят, что, мол, «азиаты мы»,
На европейских своих языках!

Да! Азиаты мы! Крепкое слово!
В матерном гневе все наши слова!
Наши обновы давно уж не новы:
Киев и Новгород! Псков и Москва!

В наших речах – курский свист соловьиный,
Волга и Днепр! Океан и фиорд!
В наших речах – грохот снежной лавины,
Ржанье и топот Батыевых орд!

В наших глазах – золотой щит Олега,
Плеть Иоанна! Курганная тишь!
Мертвенный холод Байкальского снега,
Пламя Москвы и пленённый Париж!

Эй, на запятки! Не вам ли завялым
Путь преградить разъярившимся нам?
Или, озлившись, мы хлопнем Уралом
По напомаженным вашим башкам!

В наших плечах – беломорские скалы!
В наших ушах – храп медвежьих берлог!
В наших сердцах – самоцветы Урала!

В нашей груди – древний каменный бог!
[1928]